

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7

М.В. БАЙТЕЕВА,
кандидат юридических наук, доцент

*Казанский филиал Владимирского юридического института
Министерства юстиции РФ*

НОРМАТИВНЫЕ ИДЕИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются эτικο-правовые аспекты обоснования границ свободы человека в современном обществе. Анализируются различные научные подходы юристов и философов к проблемам соотношения интересов личности и государства, перспективы их развития в обществе.

В течение столетий люди экспериментировали с властью, и эти опыты, как правило, имели негативные последствия. Не секрет, что государство склонно всячески регламентировать жизнь индивида, оформлять ее совокупностью дисциплинарных норм, эксплуатировать его способности и подавлять волю, сужать рамки свободы для тех, кто рассматривается как политический оппонент. Поэтому и в философии права, и в политической философии все чаще ставится вопрос не только об обязанностях и правах индивидов, но и моральных обязательствах государства.

Дискуссия о нормативности и стандартах общественной жизни всегда имеет как политико-правовой, так и морально-этический формат. Как и другие социальные нормы, правовые нормы отражают характер складывающихся отношений в обществе: определяют взаимные ограничения свободы, выделяют границы легального поведения. Установление этих границ всегда требует предварительного выяснения содержания правовой свободы.

Возможность делать что хочешь ограничена дважды: реальностью, которая устанавливает, что можно делать фактически, и нормами,

которые определяют, что делать разрешено. Хотя требования индивидуализма всегда выражались в желании изменить состояния свободы, гарантированная законная свобода приобреталась ценой взаимного ограничения. Еще с античности естественной свободе, которая не имела никаких иных границ, кроме силы индивида, противопоставлялась гражданская свобода, ограниченная общей волей. Поэтому к первой в римском праве относили владение, олицетворявшее проявление силы (например, захват вещи), а ко второй – собственность, которая базировалась на гарантированном частном праве. «От природы каждый человек имеет право на все, в чем он нуждается; но юридический акт, который делает его собственником одного блага, исключает его из владения другим», – писал Ж.Ж. Руссо [1]. Ш.Л. Монтескье выразился более категорично: «Свобода – это право делать все, что законы позволяют. Если бы гражданин мог делать, что законы запрещают, то он не имел бы больше другого, так как другой имел бы аналогичную власть»¹. Однако четче всех сформулировал эту мысль И. Фихте, который писал об изменениях

¹Ibid.

свободы и задачах права так: «Если какое-либо количество людей объединяется, это значит: они хотят жить вместе. Но они вовсе не могут существовать вместе, если каждый не ограничивает свою свободу свободой всех остальных. Если миллион людей соберется вместе, то каждый захочет для себя как можно больше свободы. Объединив волю всех в общее понятие «воля», индивид делит совокупность возможной свободы равными долями, он идет на это, потому что все свободны друг от друга и свобода каждого ограничена свободой всех других» [2].

Именно эту границу, где разграничивается воля всех, проводит право. И. Кант определил право как «ограничение свободы каждого на условии взаимного согласия». Эта мысль нашла отражение во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в первой статье которой гарантируется и «исполнение естественных прав каждого человека безо всяких границ, кроме разрешения остальным членам пользоваться равными правами». В этих определениях свободы проявляется установление тождественности императиву Канта: отделение индивидуальной свободы, согласно всеобщего закона, означает ограничение ее для всех.

Для того, чтобы принципы и функции права определялись как разделение и регулирование свободы, недостаточно их просто дефинировать. Формальный принцип Канта выступает здесь необходимым, но отнюдь не достаточным принципом для взаимного регулирования отношений людей. Проблематичность понятия справедливости находит отражение в вопросе: «Как можно измерить свободу одного индивида и ограничить ее свободой другого?». Здесь требуются не только формальные гарантии частной «автономии», но и «материальные» шансы самоопределения личности.

Еще в XIX веке Г. Еллинек соотносил отдельные права человека с различными правовыми статусами – статусом *negativus*, статусом *activus* и статусом *positivus* [3]. К первой группе он относил основные права и свободы человека. При этом статус *negativus* обосновывал ограничения власти в пользу

индивида, где государство обязано было не мешать осуществлению его прав и свобод. Вторая группа совпадала с гражданскими правами политического участия. Имея статус *activus*, они являлись гарантией активного вмешательства индивида в политические события. В третью группу входили социальные права, которые должны были оформляться статусом *positivus*, что позволило бы гражданам пользоваться возможностями государства.

Анализируя основные права и свободы, Т. Маршалл акцентировал внимание на особенностях их временной актуализации в государстве: первая группа появилась в XVIII, вторая – в XIX, а третья – в XX веке [4]. Он отмечал, что права первого поколения как элементарные требования свободы индивида подвергаются критике менее всего. Ж.Ж. Руссо также подчеркивал, что наибольшую критику вызывает не индивидуальная свобода, а политическое самоопределение, поскольку обладатель власти склонен признавать права и свободы других до тех пор, пока не встал вопрос о перераспределении сферы властных полномочий. Относительно прав второго поколения, в частности прав политического участия, часто дискутируется вопрос о том, кому и на каком основании нужно их давать:

- гражданам;
- лицам, проживающим на данной территории продолжительное время;
- лицам, временно пребывающим в государстве или вообще всем индивидам?

Наиболее спорными являются социальные права, которые отнесены к правам третьего поколения. Логично задаться вопросом, как следует их понимать: исходя из того, что государство поддерживает попавших в беду, но все же самостоятельных индивидов или только тех из них, кто безоговорочно нуждается в помощи? Либеральные государства ставят перед собой задачу способствовать самоопределению граждан, но отнюдь не с целью страхования их от социальных и экономических неудач.

В современном обществе индивидуальные права и свободы постоянно находятся под крылом государственной власти и зависят от

лимита помощи государства, причем, время от времени, возможности использования этой свободы остро нуждаются в такой помощи. Известный западноевропейский специалист по юридической логике Р. Алекси выделяет здесь следующие группы прав:

- право индивида на защиту государством;
- право на оборону;
- право политического участия;
- право социальных гарантий;
- процессуальные права, которые относятся

к способу осуществления прав, перечисленных выше [5].

При более точном рассмотрении оказывается, что речь идет не просто о правах и свободах человека, но о теоретико-правовых концептах, которые характеризуются свойствами универсальности и фундаментальности, а также приоритетом в отношении положительного права.

Следует отметить, что проблемным моментом нормативности прав человека является неоднозначность их формулировок в различных государствах. Еще хуже обстоит дело с их фактическим соблюдением. В этой ситуации идея права образует нормативную цель, которая требует бескомпромиссности и создания одинаково приемлемых условий жизни для человека. Это требование не должно зависеть от того, перешли ли соответствующие права в положительное право или нет. Права человека воспринимаются как идеалы, к которым политики обращаются лишь в речах предвыборных компаний и, которые как это не парадоксально, зачастую становятся своего рода контрафактами. Чтобы понять механизм такой трансформации, следует выяснить, какой смысл приобретает идея права вообще.

Для того, чтобы кто-то имел право на что-то в положительном смысле, необходимы минимум четыре условия: во-первых, должно быть ясно, кого следует считать носителем соответствующего права; во-вторых, необходимо знать, в чем заключается или состоит данное право; в третьих, необходимо идентифицировать не только адресата, но и гаранта права; в-четвертых, должна быть установлена процедура обеспечения права.

Первое условие призвано разъяснить: кому именно принадлежат права человека. Основная проблема здесь состоит в уяснении смысла понятия «человек». Очевидно, что нельзя сводить это понятие к биологической категории или соотносить его с неким групповым признаком. Индивид – это, прежде всего, личность со своей автономией, включающей разумные, языковые, практические способности и нравственные установки.

Вторым условием является содержание или смысл прав человека. При возникновении конфликтов возникает необходимость следовать ссылке на бесспорность негативных и активных прав, а в случае возникновения разногласий в вопросах о социальных правах разночтения должны временно игнорироваться. Здесь уместно привести доводы постмодернистов, неоднократно подвергающих критике нормативную идею прав человека. Наиболее радикальная позиция здесь принадлежит Ж.Ф. Лиотару, который считает права человека односторонним выражением традиций, свойственных Западной Европе [6]. Однако с мнением о том, что права человека имеют европейскую природу происхождения, трудно согласиться. Индивидуализированное право европейца на «самооборону» и защиту, прежде всего, от государства, исключает историческую коммунитарность культурных форм. Тем не менее, аналогичное право охраны человеческой жизни, уважения неприкосновенности и свободы индивида есть и в других неевропейских культурах. Очевидно, что категоричные формулировки прав человека Виргинского билля о правах и Декларации прав человека и гражданина 1789 года имеют идентичную основу. Права данного типа могут обеспечивать максимальную защиту интересов личности и поэтому нередко формулируются в формате одностороннего преимущества.

Но при этом возникает ряд вопросов. Можно ли изменять содержание прав человека без учета культурного контекста отдельных народов? Следует ли устанавливать, наряду с личными, коллективные права человека, соотнося его с определенной группой (например, права

меньшинств)? Что означает обладание первоначальными и неприкосновенными правами? Против каких конкурирующих требований эти права могут иметь преимущества и кто должен предоставлять их?

Особой проблемой прав человека является их обеспечение. Человеку необходимо не только предоставить, но и обеспечить реализацию его прав - имеющий право должен иметь возможность действий. У подавляющего большинства индивидов, имеющих права, возникает необходимость обращаться для их защиты и реализации за помощью государства. Юрисдикция конституционных судов, призванная предотвращать нарушение или ограничение основных прав, может не справляться со своими задачами под давлением власти. Этим оправдывается существование ряда наднациональных организаций, призванных выполнять важную задачу наблюдения и применения санкций против государств, нарушающих права человека. К числу таких организаций относятся Комиссия по правам человека ООН и ряд других организаций. Однако, как показывает практика, не им, а общественности, выполняющей независимый контроль за деятельностью структур власти, принадлежит главная роль в защите прав человека. Передача функций контроля в руки общественности приводит к качественным изменениям самого правового регулирования. Еще в XIX веке известный русский юрист Н. Коркунов писал: «Личность естественно противопоставляет интересу власти свои особенные, индивидуальные интересы, отстаивая и оберегая их. Каково бы ни было государственное устройство, кем бы ни осуществлялись функции власти, человеческое сознание всегда стремится подчинить акты властвования юридическим нормам» [7].

Обеспечение гарантий процесса реализации прав человека является проблемным полем любого государства. Здесь происходят основные разногласия в плоскости политических воззрений между различными либеральными концепциями. Одни считают принцип правового государства уже достаточной гарантией основных прав и свобод, другие настаивают на респуб-

канских идеях демократии. Для многих юристов значительной проблемой является то, что права человека касаются неограниченного круга адресатов и безусловны в своем применении. Индивиды владеют не приобретаемыми и не отчуждаемыми правами, которые защищают честь и достоинство. Это ядро нормативной идеи политики, которое становится основным правовым принципом.

Практически во всех конституциях неприкосновенными благами являются честь и достоинство человека, и государство обязано ориентироваться на уважение и содействие их реализации. Хотя употребление термина «достоинство» отличается универсальностью и неизменностью антропологического признака, тем не менее, еще стойки идентифицировали его неоднозначно. В греческом мышлении идеал гуманности базировался на сознании конечности жизни человека и необходимости уважения его при жизни. При Цицероне человеческая честь имела определенную форму, сопряженную с содержанием понятия «достоинство». Неограниченная жажда наслаждений считалась несовместимой с понятием достоинства человека. В поздней античности и средневековье это представление связывалось с божественным происхождением человека. Так, Августин считал наличие духовных и умственных способностей человека доказательством его родства с Богом. Однако корни современного понятия человеческого достоинства лежат в моральном бытии – *ens morale*. Поэтому в XIII веке Великая хартия вольностей и позже П. Мирандолла, связывали концепцию божественного происхождения человека со стоической мыслью об автономии индивида, находя фундамент человеческого достоинства в свободе [8].

Позже С. Пуффендорф выводил тождественность понимания человеческого достоинства из качества разумности, что достигло кульминации развития в метафизике И. Канта, оформившего понятие достоинства человека из формулы человека как самоцели. Человек как личность имеет не только внешнюю ценность относительно других, но и внутреннюю, обозначенную Кантом как достоинство че-

ловека. Способность к практическому самоопределению, включая свободное использование разума, и качество дееспособной автономии каждого являются и сегодня абсолютной ценностью.

Следует отметить, что, наряду с человеческой честью понятие свободы образует центральный вопрос политической морали вообще. Как уже отмечалось, свобода оформляет границы признания лица дееспособным, причем регламентации и ограничения в политической жизни действуют не только в качестве сущности личной и политической автономии, но и самоопределения, выбора собственной позиции в жизни. Понятие свободы нередко связывается с независимостью и активным распоряжением своими возможностями. Б. Констан отличал античную свободу от современной состоянием ценностных установок в публичной и частной сферах. Как ни парадоксально, но современная свобода ассоциируется с личными правами индивида, а античная – предполагает его независимость в общественной сфере.

Однако самое важное различие проявляется между негативной и позитивной свободой, находясь в тесной связи с дихотомией публичной и частной автономии субъекта. Акцент на таком различии был впервые сделан И. Берлином, который понимал под негативной свободой отсутствие внешней необходимости или внешних вмешательств [9]. Еще Т. Гоббс проводил аналогию между свободой и беспрепятственно устремляющимися реками, что оказало решающее влияние на формирование стандарта восприятия классическим эмпиризмом в лице Локка, Юма и Милля.

В противоположность негативной, позитивная свобода воспринимается как способность индивида к самореализации и автономии. Для

лучшего понимания этой мысли И. Берлин предлагал разграничить понятия свободы в двух вариантах – «свобода от» и «свобода для». Он выделял бытие свободы внутренней, психологической необходимости как положительный признак, подчеркивая при этом, что и негативная, и позитивная свобода характеризуют в целом совокупность политического мышления. Так, свобода в негативном смысле предотвращает отрицательный вариант развития событий при оформлении рамок политических манипуляций по ее ограничению, а в позитивном – создает предпосылки для реализации действий индивида как гражданина демократического общества. Очевидно, что в современном государстве оба варианта должны оформлять рамки свободы выбора индивида, максимально предоставляя ему возможность самому принимать решения.

Список литературы

1. R. Zippelius. Rechtsphilosophie. – München.: C.H. Beck, 2003. – S. 186.
2. Fichte J.G. Grundlage des Naturrechts, 1796. – §8.
3. G. Jellinek. Das System der subjektiven öffentlichen Rechte. – Tübingen, 1995. – S.110.
4. T. Marshall. Bürgerrechte und soziale Klassen. – Frankfurt/M, 1992.
5. R. Alexy. Theorie der Grundrechte. – Frankfurt/M, 1994.
6. J.F. Lyotard. Der Widerstreit. – München, 1989.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 318.
8. Ch. Horn. Einführung in die Politische Philosophie. – Darmstadt.: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. – S.91.
9. I. Berlin. Two Concepts of Liberty//Four Essays on Liberty. – Oxford, 1969.

В редакцию материал поступил 28.02.07.